

ПРЕЛЕСТНЫЕ СКАЗКИ

Г. ЦЫФЕРОВ М. ПЛЯЦКОВСКИЙ, Е. КАРГАНОВА
И ДРУГИЕ

«МАСТЫД»

Я. Тайц

ТРИ ШЕРСТИНКИ

Пошёл дед Егор на работу — лес валить, а бабка Алёна осталась дома.

Сидит на печке, вяжет варежки и всё про деда думает: как он там да что с ним?

Вдруг слышит: в углу мышь заскреблась. А бабка мышей страсть не любила. Да и кто их любит-то?

Взяла она мышеловку, зарядила... Хлоп! Попалась мышка. Бегает в мышеловке, пищит:

— Выпусти меня, бабка Алёна! А я тебе за это три шерстинки дам.

— А зачем мне твои шерстинки?

— А вот зачем: положишь их в шерсть, из которой варежки вяжешь. Потом наденешь варежки, хлопнешь рука об руку — исполнится твоё первое желание. Другой раз хлопнешь — исполнится второе желание. Третий раз хлопнешь — и третье желание исполнится.

— Ладно, — говорит бабка, — давай.

Вот дала ей мышка три шерстинки. Положила их бабушка в шерсть. Связала варежки и задумалась.

Какое желание загадать? Чего ей больше всего хочется?

Подумала-подумала бабка и поняла, что больше всего ей охота деда Егора повидать. Всё-таки давно не виделись. Ушёл дед на рассвете, а сейчас уже небось за полдня.

Бабка Алёна хлопнула рукой об руку и говорит:

— Хочу деда Егора повидать!

Только она это сказала — загудело, зашумело, скрипнула дверь, и на пороге дед Егор появился.

— Что, мол, бабка, случилось? Зачем звала?

А бабка Алёна улыбается:

— Ничего не случилось, а просто соскучилась я по тебе. Давно не виделись. Ушёл чуть свет, а сейчас, никак, за полдни.

Осерчал дед:

— Что ты, бабка! У меня в лесу на делянке работа не кончена.

— Ладно, дед, не сердись!

— Как же не сердиться-то!

Тогда бабка Алёна хлопнула в ладоши и говорит:

— Хочу, чтобы дед Егор не сердился!

Только она это сказала, перестал дед сердиться и говорит:

— Я ведь тоже рад повидать тебя, Алёнушка ты моя старенькая, да ведь в лесу дела много, дай бог к вечеру управиться.

— Ладно, — говорит бабка, — ступай!

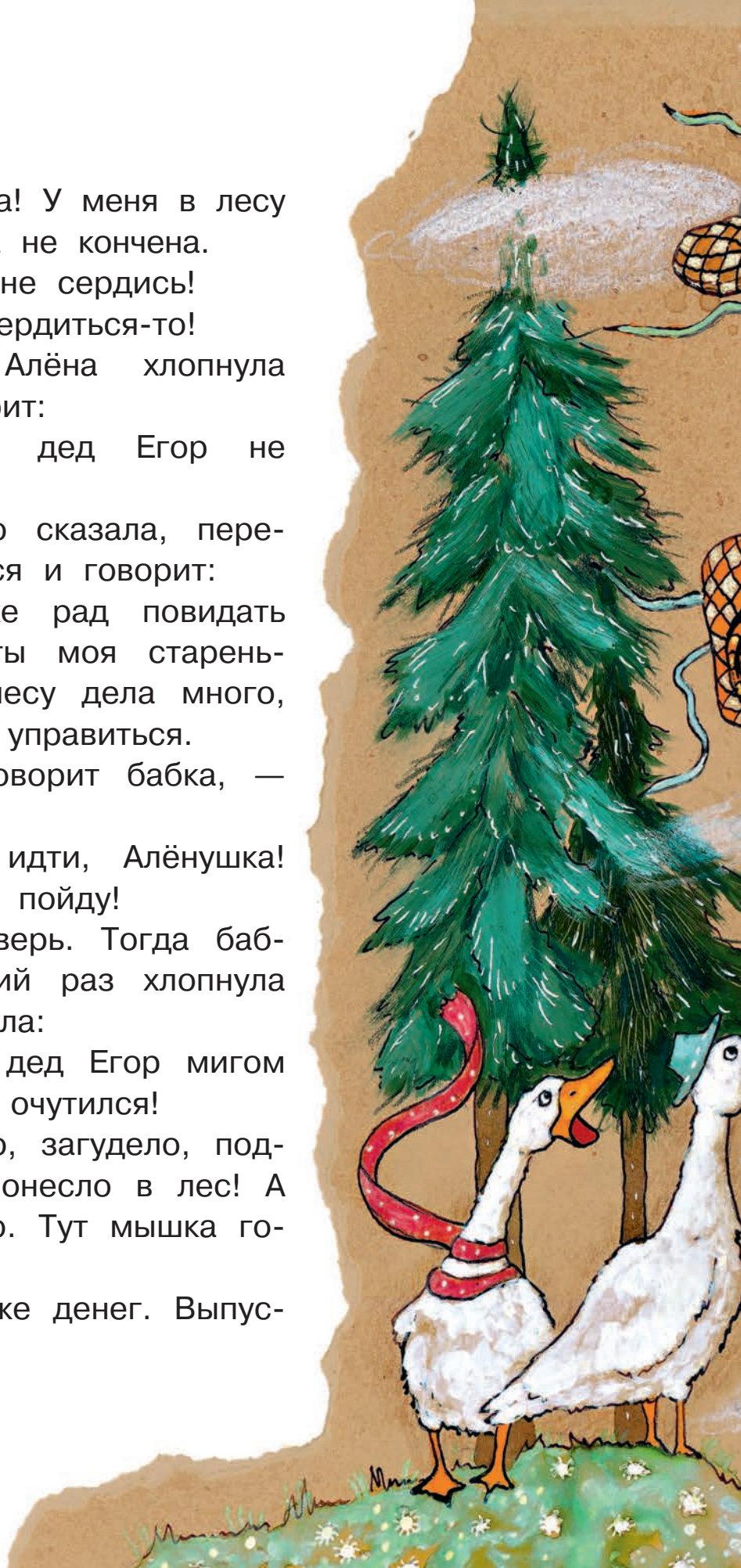
— Ох, далеко идти, Алёнушка! Да делать нечего, пойду!

И пошёл за дверь. Тогда бабка Алёна в третий раз хлопнула в ладоши и сказала:

— Хочу, чтобы дед Егор мигом на своей делянке очутился!

Вдруг зашумело, загудело, подхватило деда и понесло в лес! А в избе тихо стало. Тут мышка голос подаёт:

— Уговор дороже денег. Выпусти меня, бабка.

Открыла бабка мышеловку, а мышка говорит:

— Что ж ты, бабушка, три желания загадывала, да так и осталась ни с чем!

А бабушка Алёна покачала головой и говорит:

— Как так — ни с чем? Я с дедом Егором повидалась. Разве этого мало?

И опять за спицы — варежки вязать, только не волшебные, а простые, всё для него, для деда, для Егора...

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Жили-были дед да бабка. Была у них внучка Рябинка. Вот собралась она в лес по грибы. Дала ей бабушка берестяной кузовок и говорит:

— Смотри, Рябинка, далеко не ходи!

— Нет, я далеко не пойду, я только на опушку пойду.

Взяла кузовок и пошла. Дошла до опушки, а там колокольчики растут, одуванчики, ромашки, а грибов не видать. Как быть?

Вдруг Рябинка видит: за опушкой, под берёзкой, подберёзовик растёт. Рябинка — к нему.

Дальше — сыроежка. Рябинка — к ней.

А ещё дальше, под ёлкой, — боровичок. Рябинка — к нему.

А ещё дальше — лисички. Рябинка — к ним.

Вот так-то, от подберёзовика к сыроежкам, от сыроежек к боровику, от боровиков к лисичкам — и набрала Рябинка полный кузовок.

Теперь и домой можно.

Пошла Рябинка домой, да не тут-то было! В одну сторону пошла — не туда! В другую сторону пошла — опять не туда! Куда ни кинется, всё не то.

А кругом высокие сосны, да мохнатые ели, да пни корявые.

Села Рябинка на пень, заплакала. Тут кто-то носом постучал по сосне:

— Тук-тук, это кто в нашем лесу плачет?

— Это я... Рябинка.

— А почему ты, Рябинка, плачешь?

— Как мне не плакать? Жила я у деда с бабушкой, да пошла в лес и заблудилась.

— Тук-тук, не плачь. Возьми колокольчик да позвони. Авось дедушка с бабушкой услышат тебя.

— А где же я возьму колокольчик?

А дятел носом показал:

— Да их сколько угодно кругом растёт.

— А разве они звенят? — удивилась Рябинка.

— А как же!

Нагнулась Рябинка, сорвала синий колокольчик, дай им трясти, а звону не слышать.

Сорвала Рябинка лиловый колокольчик, трясёт, трясёт, а звону нет.

Заплакала. Тут опять дятел показался:

— Ты ещё здесь?

— Где же мне быть! Звоню-звоню, а звона не слышать.

— А ты зачем их срываешь? Ты не срывай!

Нагнулась Рябинка к земле, не стала срывать колокольчик, а прямо так покачала им. И сразу же раздался серебристый звон.

И вмиг все — и лиловые, и синие, и голубые — колокольчики откликнулись, и по всему лесу покатился звон-перезвон.

Услыхали его дед да бабка, прибежали в лес, нашли Рябинку и привели домой.

А колокольчики ещё долго звенели. До утра было слышно:

«Динь-дон... Динь-дон...»

ДВА ЧАЙНИКА

А на кухне новость. Там новый жилец — большой медный чайник. Все чашки собрались поглядеть на него. Да и было на что поглядеть! Его бока сияли, как золото. Нос гордо задирался вверх. Крышка сверкала, точно шляпа с пуговкой на макушке. Над шляпой изгибалась ручка.

— Вы золотой»? — спросили чашки.

— Конечно, — ответил новый жилец.

— А у нас тут ваша родня живёт!

— Какая родня?

Важный гость чуть-чуть повёл носом, поглядел сверху вниз и увидел маленький беленький чайничек с курносом носиком и тоненькой ручкой-завитушкой.

— Здравствуйте, — вежливо сказал беленький чайничек и приподнял крышечку-тюбетейку. — Мы с вами родня. Вы чайник, и я чайник...

— Ты? — засмеялся новый жилец. — Кому ты нужен, мелюзга? Тебя скоро выкинут.

— Почему? — спросил беленький чайничек и ещё больше побелел.

— Да потому, что я появился!

И верно — на кухню зашла хозяйка и подошла не к маленькому чайнику, а к большому. Налила в него воды и поставила на огонь. Вот стоит чайник на огне, греется и песенку поет:

Я всех нужней,
Я всех важней...

Чем дольше греется, тем громче песня. Наконец услышала эту песню хозяйка, подхватила горячий чайник и понесла в комнату. И вот стоит чайник на столе, на самом видном месте, и поёт:

Я всех нужней,
Я всех важней...

— Ишь, распелся! — сказала хозяйка и вдруг спохватилась: — Батюшки, а где же маленький чайник-то?

Она побежала на кухню, принесла маленький беленький чайничек, насыпала в него чаю и поставила... как вы думаете, куда? На голову этому самому толстому, важному чайнику!

Чайник задыхался от обиды, шипел, плевался, тяжело дышал через нос и просил:

— Снимите его... Снимите его...

Но ничего не помогало. Толстяк пошипел, пошипел и затих. А на его медной голове весь вечер простоял маленький беленький чайничек с курносый носиком и тоненькой ручкой-завитушкой.

Е. Карганова

ПУСТЬ БУДЕТ «КВАК»!

Зелёного лягушонка звали Квак. И по-другому его звать никак не могли. Потому что, во-первых, он был лягушонок, а во-вторых, его голос на камышовом пруду был самый звонкий.

Лягушонку казалось, что его звонкое «Квак!» нравится всем — и белым водяным лилиям, и камышу, и пёстрым лёгким бабочкам, порхающим над прудом. Нравится голубым стрекозам с нежными прозрачными крылышками. И, конечно, рыбкам, которые резвились в пруду и сверкали своими золотыми и серебряными чешуйками.

Так думал зелёный лягушонок. И оттого кричал ещё громче и задорнее, сидя на кочке посреди пруда:

— Квак! Квак! Ква-ква-квак!

— Ты что, неграмотный? — спросила лягушонка Утка, которая пришла на пруд поплавать.

— Квак? — спросил лягушонок.

— Я так и думала, — сказала Утка. — Надо говорить не «Квак», а «Кряк!» И спрашивать надо не «Квак?», а «Как?» Так что лучше уж помалкивай!

Сказала — и уплыла в камышовые заросли.

«Как это неграмотный? — обиженно подумал лягушонок. — Я очень даже грамотный. Меня и учительница, Большая Лягушка, всегда хвалит».

И он снова заквакал.

— Ме-е-е! Ме-е-ня удивляет, как тебе не надоело всё время повторять своё «квак-квак»? — спросила его Коза, которая пришла к пруду напиться. — И когда ты только замолчишь? Ме-е-шаешь только всем...

Лягушонок хотел было спросить в ответ: «А как вам не надоело всё время мекать — «ме-е, ме-е»? Но он не спросил, потому что знал — старших надо уважать.

А потом задумался: «Может, я и вправду кому-то мешаю? Надо разузнать».

— Белые лилии, вам моё кваканье не мешает?

Водяные лилии покачали своими головками.

— А вам, пёстрые бабочки?

Те замахали крылышками, словно говоря: «Что ты, что ты?»

— А вам, голубые стрекозы?

Стрекозы удивлённо вытаращили свои огромные глаза.

— Может быть, вам, рыбки, не нравится, как я ква-каю?

Рыбки вместо ответа дружно захлопали — конечно, не в ладоши, а своими хвостиками по воде.

Обрадованный лягушонок стал раскланиваться, словно артист на сцене, а потом набрал побольше воздуха — и над прудом раздалось:

— Ква-ква-ква-ква-ква-квак!.. — словно заквакал не один лягушонок, а сразу десять.

— Р-р-р-гав! Р-р-разве можно так орать, когда я тут загор-р-раю?! А ну, немедленно замолчи!..

И Квак увидел, как из-за камышей высунулась бело-рыжая собачья морда.

Бедный лягушонок от страха поперхнулся своим «квак!» и шлёпнулся в воду.

Всё на пруду оставалось по-прежнему, но с тех пор никто не слышал весёлого кваканья, только ветер изредка шелестел камышами. Бабочки и стрекозы летали, рыбки плавали, лилии цвели, и всё равно — как-то было грустно.

И вот однажды приковыляла к пруду Утка.
За ней прискакала Коза.
А вскоре прибежала Собака.
Постояли они на берегу, посмотрели на воду, а потом друг на друга.
— Ты чего не ныряешь? — спросила Коза Утку.
— А ты чего воду не пьёшь?
— Что-то не хочется...
А Собака вздохнула.
— Даже мне греться на солнышке расхотелось...
— А почему? — хором спросили Утка и Коза.
— Не знаю, — печально ответила Собака. — Не хватает чего-то... может быть, лягушачьего кваканья?

— Правда-правда! — закричала Утка.

— Именно кваканья! — подхватила Коза. — Какой же пруд без песни зелёного лягушонка?

— А мы его зачем-то облаяли... — виновато проскулила Собака.

— Он, наверное, обиделся и ускакал в другой пруд, — понурилась Коза.

— Глупые мы, глупые, — всплакнула Утка.

И вдруг... бульк! — в середине пруда разлетелись брызги, и на высокую кочку выпрыгнул зелёный лягушонок Квак. Он, как ни в чём не бывало, задрал вверх голову и звонко заквакал:

— Ква-ква-ква-квак!

И весь пруд будто ожил — вспорхнули бабочки, закружились стрекозы, рыбки замелькали среди распустившихся лилий... Утка замахала крыльями и плюхнулась в воду, Коза подскочила к берегу и стала пить, захлёбываясь от удовольствия, а Собака растянулась на травке и заурчала:

— Пусть будет и «Квак-квак», и «Кряк-кряк», и «Ме-е-е!», и «Гав-гав!» — пусть каждый говорит по-своему! Если захочешь — друг друга всегда поймёшь!..

И зелёный лягушонок согласился:

— Квак!

